

Научная статья
УДК 343.9
EDN RTACES
DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.26-36

Криминалистические основы и содержание розыскной деятельности по обнаружению пропавшего военнослужащего

С.Ю. Журавлев✉, **С.Е. Нестеренко**

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: С.Ю. Журавлев, monah07@yandex.ru

Аннотация. Розыск пропавших военнослужащих, в том числе в условиях боевых действий, представляет собой комплексную задачу, которая решается в процессе скоординированной работы различных подразделений и служб. Рассматриваются понятийные основы и специфика организации деятельности по розыску, которая обусловлена событиями в зоне военных конфликтов. Анализируются правовые основы и отдельные практические аспекты обнаружения лиц, пропавших без вести. Особое внимание обращено на современные аспекты организации идентификационной работы, а также взаимодействие военных и гражданских структур, например в части психологического сопровождения родственников пропавших лиц. Исследование базируется на анализе нормативной базы Российской Федерации и опыте подразделений, занимающихся поиском военнослужащих. Акцент сделан на аргументацию необходимости совершенствования координационных механизмов и внедрения организационно-методических и тактико-технических решений, обеспечивающих эффективность розыска.

Ключевые слова: розыскная деятельность, пропавший военнослужащий, боевые действия, идентификация, военно-следственные органы, поисковые мероприятия, специальная военная операция, криминалистическая культура розыскной деятельности, конкретизация информационной перспективы розыска, трудности и ошибки розыскной и идентификационной работ.

Для цитирования: Журавлев С.Ю. Криминалистические основы и содержание розыскной деятельности по обнаружению пропавшего военнослужащего / С.Ю. Журавлев, С.Е. Нестеренко. — DOI 10.17150/2411-6122.2026.2.26-36. — EDN RTACES // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2026. — № 2. — С. 26–36.

Original article

Forensic Foundations and Contents of Investigative Activities Aimed at Finding Missing Military Personnel

S.Yu. Zhuravlev✉, **S.E. Nesterenko**

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, the Russian Federation

Corresponding author: S.Yu. Zhuravlev, monah07@yandex.ru

Abstract. Search for missing military personnel, including search under battlefield conditions, is a complex task that requires coordinated work of various departments and bodies. The authors examine the conceptual basis and specifics of organizing search activities connected with events in military conflict zones.

The legal basis and some practical aspects of searching for missing persons are analyzed. Special attention is paid to modern aspects of organizing identification work, as well as cooperation between military and civil structures, for example, in psychological counselling for relatives of missing persons. The research is based on analyzing the normative legal basis of the Russian Federation and the experience of departments responsible for finding military personnel. The authors place special emphasis on arguments for the improvement of coordination mechanisms and the implementation of organizational-methodical and tactical-technical solutions that ensure the effectiveness of searching.

Keywords: search activities, missing military personnel, combat operations, identification, military investigative bodies, search activities, special military operation, forensic culture of search activities, specification of the information prospects of searching, difficulties and errors of search and identification work.

For citation: Zhuravlev S.Yu., Nesterenko S.E. Forensic Foundations and Contents of Investigative Activities Aimed at Finding Missing Military Personnel. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2026, no 2, pp. 26–36. (In Russian). EDN: RTACES. DOI: 10.17150/2411-6122.2026.2.26-36.

Введение

Поиск военнослужащих и военного имущества, которое стоит на балансе того или иного подразделения Вооруженных Сил Российской Федерации является неотъемлемой частью такого сложного процесса как поддержание правопорядка в любых условиях функционирования государств. Особенно это актуально тогда, когда на отдельных территориях действуют специальные правовые режимы, в том числе применительно к условиям проводимой специальной военной операции (далее — СВО). Этот процесс затрагивает различные сферы деятельности государственных структур, негосударственных организаций, определенные сектора гражданского населения, которое проявляя значительную активность в поиске своих родственников может оказать существенное содействие в розыскной работе. При этом следует понимать, что ключевую роль в организации и координации мероприятий по розыску играют именно компетентные органы Российской Федерации: Министерство обороны, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, Росгвардия.

Для организации розыска пропавших без вести военнослужащих в Минобороны создан Главный координационный центр (далее — ГКЦ). Ему подчиняются различного уровня функционирования рабочие группы. Их создают с локализацией в командованиях видами, родами войск, в военных округах и центральных органах военного управления. Также существуют отделы розыска и группы поиска непосредственно в зоне СВО, применительно к дислокации войсковых подразделений и направлениям их боевой работы. Вся информация, поступающая в ГКЦ, оперативно передается в военкоматы, сотрудники которых оперативно извещают родственников о статусе военнослужащего и порядке дальнейших действий¹.

Розыскная деятельность, помимо организационно-методической и тактико-технической составляющей, включает комплекс юридических мер, среди которых — объявление военнослужащих и военного имущества в федераль-

¹ Информационно-аналитический и методический журнал Министерства обороны РФ «Военные комиссариаты России». URL: <https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/712320/>.

ный розыск. Основаниями для этого могут служить самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ) или утрата военнослужащего или военного имущества во время выполнения боевых задач².

Основная часть

Очень важно разграничивать пропажу без вести военнослужащего в нескольких направлениях, а именно совершил ли он уголовное преступления предусмотренное ст. 337, 338 УК РФ.

Так как в последние годы структура воинских преступлений демонстрирует заметную стабильность, среди которой уклонение от военной службы занимает значительное место как постоянная тенденция. Особенно актуален становится вопрос самовольного покидания места службы, что остается проблемой даже в условиях реформирования Вооруженных сил Российской Федерации. По информации Генерального штаба Вооруженных сил РФ, в 2023 году было зафиксировано около 170 тысяч эпизодов уклонения от службы [1].

Совершенно иная ситуация может сложиться в том случае, когда военнослужащий погиб и его тело находится в недоступном месте, откуда эвакуация невозможна (к примеру, территория может быть подконтрольна противнику).

Таким образом, розыскная деятельность по обнаружению пропавших военнослужащих предопределяется различными ситуационными особенностями обнаружения подобного рода фактов и регламентируется целым комплексом нормативных актов. В первую очередь речь идет о Федеральном законе «О статусе военнослужащих» и Уставе внутренней службы Вооруженных Сил РФ. Впрочем, реальная прак-

тика последних лет выявила серьезные пробелы в регулировании подобных ситуаций применительно к условиям активных боевых действий [2, с. 45–53].

Организационно поиск военнослужащего начинается с момента его обнаружения в установленное время. Командир подразделения обязан немедленно доложить об этом вышестоящему руководству в соответствии со структурой воинского подразделения и инициировать первичные поисковые мероприятия, которые будут связаны с осмотром известного по распоряжку места последнего расположения пропавшего военнослужащего, что будет дополняться опросом других военнослужащих, которые располагались поблизости или выдвигались на линии боевого соприкосновения одновременно с разыскиваемым.

Стоит сделать уточнение применительно к условиям интенсивных боевых действий. Здесь стандартный алгоритм часто оказывается неприменим, что требует от командного состава способности к импровизации, принятию нестандартных решений, в том числе, например, в рамках организации розыска с использованием средств радиосвязи и беспилотных средств. Известны примеры, когда пропавший на какое-то время военнослужащий проявляется в эфире, оставаясь на значительном удалении от своего подразделения, получает новые указания, дистанционную помощь и продолжает выполнять боевую задачу.

Возможен и негативный вариант развития оперативно-боевой ситуации, когда последовательно выдвигающиеся в наступлении военнослужащие оказываются либо уничтоженными или находящимися в беспомощном состоянии, либо взятыми в плен или добровольно перешедшими к противнику, либо скрывшимися от своего командования

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09 апр. 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

с целью уклонения от участия в боевых действиях. Подобная ситуация может информационно усложняться фактом возврата в свое подразделение одного из тех, кто выдвигался вперед первым по времени. При этом его показания не дают конкретных сведений о судьбе других военнослужащих и возникает ситуация полной информационной неопределенности.

Военная прокуратура включается в процесс розыска при наличии признаков преступления или по истечении определенного срока. Согласно действующим положениям, военнослужащий считается пропавшим без вести, если его местонахождение не установлено в течение суток с момента обнаружения отсутствия [3, с. 12–18]. При этом реальная практика свидетельствует о том, что фактический розыск начинается значительно раньше. Служивцы пропавшего и командиры начинают розыскные действия немедленно, не дожидаясь формального признания человека пропавшим, а основываясь на реально складывающихся на фронте подразделения обстоятельствах.

Взаимодействие различных структур составляет основу эффективного розыска. Помимо непосредственно военных подразделений, к поиску привлекаются:

- военно-следственные органы Следственного комитета;
- медицинские службы и судебно-медицинские эксперты;
- подразделения военной полиции;
- поисково-спасательные формирования МЧС (при возможности их привлечения);
- добровольческие поисковые отряды.

Координацию осуществляет специально создаваемая оперативная группа под руководством представителя воен-

ного командования соответствующего уровня. В зоне специальной военной операции, эти группы называются поисково-эвакуационные группы. Картина здесь неоднородная: в разных военных округах и оперативных направлениях степень организованности таких групп существенно различается [4, с. 112–119].

Особую роль играет ведение учетной документации. Каждый случай фиксируется в специальных журналах и базах данных. С началом специальной военной операции в 2022 году активно вводится единая автоматизированная система учета личного состава. В теории она должна гарантировать открытость и быстроту передачи сведений. Однако на деле ее работа осложняется техническими и организационными трудностями, особенно в районах вблизи линии боевого соприкосновения (далее — ЛБС), где связь нестабильна.

Законом закреплено право близких получать данные о том, как продвигаются поисковые мероприятия. Военкомат, где гражданин был призван, или воинское подразделение обязаны оповещать семью как минимум раз в месяц. Впрочем, это справедливо не во всех случаях — родственники часто жалуются на отсутствие своевременной информации [5].

В условиях активных боевых действий принципиально меняются как сама суть, так и доступные инструменты для поиска людей. Первая серьезная преграда, с которой сталкиваются поисковые отряды, — это крайне затрудненный доступ к местности. Линия фронта, заминированные зоны и участки, находящиеся под постоянным огнем, не позволяют оперативно осмотреть места, где предположительно может находиться пропавший человек.

Фактор времени приобретает решающее значение. В обычной ситуации у поисковиков имеется достаточный запас времени для планомерной и тщательной работы, однако во время боя счет идет на часы. Раненый военнослужащий, оставшийся без своевременной медицинской помощи, может не выжить. Кроме того, передвижение линии боевого соприкосновения способно сделать целый район полностью недоступным для дальнейших поисков.

Первоначальный поиск проводится силами того подразделения, в котором числился пропавший военнослужащий. Сослуживцы опрашиваются о последнем месте, где видели военнослужащего, об обстоятельствах его исчезновения. Командование анализирует данные о тактической обстановке. Учитываются направления атак и сектора отхода конкретного подразделения, места постоянной и промежуточной дислокации группы военнослужащих в составе которой действовал пропавший, маршруты передвижения в соответствии с полученными командами и в рамках инициативных действий отдельных военнослужащих. Здесь важна каждая деталь — время последней радиосвязи, содержание переговоров, показания приборов навигации [6, с. 78–85].

Взаимодействие с местным населением — очень важный аспект. В населенных пунктах вблизи боевых действий жители могут обладать информацией о раненых или погибших военнослужащих. Работа с гражданским населением требует деликатности и профессионализма, учета психологической обстановки и возможных рисков [7, с. 67–75].

Отдельной темой и специфической особенностью в данной работе является высокая вероятность и риски столкновения с переодетыми дезертирами

из числа российских военнослужащих и разведчиками противника, маскирующимися под местных жителей. Анализ оперативно-боевой практики показывает высокую вероятность подобного рода ситуаций и необходимость высокой готовности групп розыска, групп эвакуации к подобного рода столкновениям.

Медицинские учреждения всех уровней — от полевых госпиталей до гражданских больниц — проверяются на предмет поступления раненых без документов. Нередки ситуации, когда контуженный или находящийся без сознания военнослужащий не может сообщить о себе информацию. Система идентификации по биометрическим данным, внедряемая в последние годы, призвана решить эту проблему, но пока работает с перебоями.

Особая категория — военнослужащие, предположительно попавшие в плен. Здесь розыскная деятельность переплетается с дипломатическими усилиями и работой международных организаций. Обмен списками военнопленных через посредников, анализ пропагандистских материалов противника, опрос освобожденных — все это элементы сложной системы поиска [2, с. 45–53]. Все это может дополняться криминалистическим версионным анализом возможного разведывательного интереса противника по отношению к конкретному военнослужащему с учетом его военной специальности, места постоянного проживания на территории Российской Федерации и иными социальными характеристиками, которые могут повлиять на попытки противника склонить пленного к государственной измене.

Установление личности найденных тел либо пострадавших, находящихся без сознания, является особым направлением поисковых мероприятий, где

задействуются экспертизы из областей судебной медицины и криминалистики. Новейшие разработки в сфере медико-криминалистического распознавания существенно улучшили точность и быстроту данной процедуры.

Опознание по отпечаткам пальцев по-прежнему служит основным способом. Следы пальцев рук военных заносятся в информационные системы, что дает возможность оперативно определить личность, если узоры на пальцах не повреждены.

ДНК-анализ применяется при невозможности визуальной или дактилоскопической идентификации. Данный материал отбирается медицинской службой войсковых формирований и передается в центр опознания тел погибших. Здесь уже проблема в том, что данный вид экспертизы делается очень долго, и для родственников психологически это тяжело [5].

На поиск совпадений ДНК требуется время. Существует две базы данных ДНК — единая федеральная «Ксенон» и база 522-го центра. Военные следователи имеют доступ к базе 522-го центра. Определенные офицеры прикомандированы к этому центру и постоянно там находятся. Важно, что у военных следователей есть доступ ко всем базам, т. к. они занимаются расследованием преступлений и обстоятельствами самовольного оставления частей [8].

Для идентификации погибших используется и стоматологический метод. Если имеются медицинские карты с описанием состояния зубов конкретного военнослужащего, то этот способ дает высокую точность. Практика показывает его эффективность в случаях значительных термических или механических повреждений тела.

Применяется и процедура установления личности через осмотр личных

вещей и обнаруженных при трупе документов. Это относительно простой, но не всегда надежный метод. Жетоны, удостоверения личности, характерные предметы могут быть утеряны, перепутаны или повреждены. Тем не менее, именно они часто дают первичную достоверную информацию для выдвижения версии о личности тех, кому возможно принадлежали обнаруженные предметы, документы, которая затем подтверждается или опровергается другими способами [5].

Работа с родственниками пропавших военнослужащих требует особого подхода. Семьи находятся в состоянии тяжелейшего стресса и неопределенности. Отсутствие информации зачастую воспринимается тяжелее, чем трагические, но определенные известия.

Психологическое сопровождение семей осуществляется специалистами военных комиссариатов и центров психологической помощи. Родственникам разъясняются процедуры поиска, предоставляется информация о ходе мероприятий, оказывается эмоциональная поддержка. Можно заметить тенденцию к формированию групп взаимопомощи среди семей, столкнувшихся с подобной ситуацией. В цифровом пространстве существуют различные группы инициативных граждан, родственников разыскиваемых военнослужащих, которые ведут активную переписку, уточняют детали событий и отношение к ним тех военнослужащих, которые находятся на лечении или проходят реабилитацию.

В рамках розыскной работы осуществляется сбор образцов биологического материала у родственников для последующего сравнения. Это уже стандартная процедура. Родителям, детям, братьям и сестрам предлагается добровольно сдать образцы буквально-

го эпителия или крови. База генетических профилей постоянно пополняется и актуализируется [3, с. 12–18].

Информационное взаимодействие с членами семей разыскиваемых военнослужащих строится через специальные горячие линии и порталы. Министерство обороны и региональные военкоматы обеспечивают каналы связи, по которым родственники могут получать актуальные сведения и задавать вопросы. На практике это направление работы постоянно совершенствуется, реагируя на критику и предложения родственников военнослужащих.

Юридические аспекты рассматриваемого вопроса также нуждаются во внимании. Статус пропавшего без вести влияет на выплаты семье, на возможность оформления документов, на множество бытовых вопросов. Задержки в официальном признании факта гибели или объявлении умершим создают для родственников дополнительные административные барьеры. Законодательство РФ предусматривает упрощенные процедуры для таких случаев, но их применение не всегда происходит своевременно [4, с. 112–119].

Общественные организации и волонтерские движения играют заметную роль. Поисковые отряды, сформированные из добровольцев, работают в тесном контакте с официальными структурами. Они проводят эксгумации на местах боев, систематизируют находки, организуют экспедиции. Впрочем, их деятельность требует четкой координации во избежание дублирования усилий и конфликтов с военными [7, с. 67–75].

Анализ практики розыска позволяет выделить ряд системных проблем. Одна из наиболее острых — несогласованность действий различных ведомств и структур. Военное командование, следственные органы, медицинские

службы, региональные власти действуют зачастую автономно, что снижает общую эффективность.

Информационный обмен между подразделениями нуждается в технологической модернизации. Единая цифровая платформа, позволяющая в режиме реального времени вносить и получать данные о пропавших и обнаруженных, пока существует скорее в проекте, чем в полноценной реализации. Бумажный документооборот по-прежнему преобладает на многих уровнях [2, с. 45–53].

Недостаток специализированного оборудования и квалифицированного персонала ощущается в отдельных регионах и частях. Подготовка специалистов по поисково-спасательной работе в боевых условиях, по криминалистической идентификации, по работе с беспилотниками требует расширения учебных программ и выделения дополнительных ресурсов.

Правовые коллизии возникают при работе на территориях с неопределенным статусом или при необходимости взаимодействия с международными структурами. Процедуры передачи останков, обмена информацией, совместных поисковых операций не всегда детально прописаны в нормативных актах [6, с. 78–85].

Психологическая нагрузка на участников розыска — аспект, который время недооценивался. Сотрудники, занимающиеся эксгумацией и идентификацией, командиры, взаимодействующие с семьями, нуждаются в профессиональной психологической поддержке. Синдром эмоционального выгорания, посттравматическое стрессовое расстройство — реальные риски для этой категории специалистов.

Анализ практики розыскной работы позволяет выделить определенные направления совершенствования системы

розыска. В первую очередь речь идет о создании межведомственных координационных центров с четкими полномочиями и ресурсами. Также требуется внедрение полноценной автоматизированной системы учета и обмена данными по всем вопросам, связанным с розыскной работой. Применительно к специализированным учебным заведениям требуется расширение программ обучения специалистов по розыскной и идентификационной работе. Также необходимо развитие материально-технической базы, оснащение подразделений современным поисковым оборудованием.

Международный опыт показывает эффективность создания национальных центров по поиску пропавших военнослужащих с участием государственных структур, научных учреждений и общественных организаций. Адаптация таких моделей к российским условиям могла бы существенно повысить результативность работы [9].

Как показывает анализ конкретных ситуаций, связанных с розыском пропавших военнослужащих, важен не только общественный контроль, а в некоторых случаях прозрачность процедур розыска. С позиции криминалистической культуры [10, с. 147–153] очень важно осознавать главное, ключевое в совокупности сведений по розыску конкретного лица. Важно также видение информационных нестыковок различных источников, которые в перспективе следует корректировать. Учитывая специфику розыска, а также высокую вероятность оказания вербовочного воздействия на обнаруженных военнослужащих, следует выходить на формулирование четких вопросов как к источникам конфиденциальных сведений, так и к различным опрашиваемым лицам. Конкретизация информационной перспективы в вопросной

форме позволяет планировать работу с учетом понимания возможных трудностей и ошибок предстоящей розыскной и идентификационной работы.

Доверие семей к официальным структурам напрямую зависит от открытости информации и готовности к диалогу. Именно поэтому существует практика регулярных встреч представителей военного командования с родственниками, публикация статистических данных, доступность механизмов обжалования. Все это элементы социальной ответственности государства перед гражданами.

Заключение

Розыскная деятельность по обнаружению пропавших военнослужащих в условиях боевых действий представляет собой сложный, многоуровневый процесс, эффективность которого зависит от слаженной работы множества структур и специалистов. Опыт последних лет выявил как сильные стороны существующей системы, так и направления, требующие срочного совершенствования.

Правовая база нуждается в уточнении и дополнении с учетом специфики современных военных конфликтов. Технологическое оснащение поисковых подразделений должно соответствовать актуальным вызовам. Квалификация персонала, занятого розыском и идентификацией, требует постоянного повышения через специализированные программы обучения.

Одним из гуманитарных аспектов является работа с семьями пропавших. В вооруженных формированиях созданы специальные группы по работе с родственниками пропавших, где им оказывают психологическую помощь и помогают, найти военнослужащего, живым или, к сожалению, погибшим.

Мировоззренческая посылка в данном случае достаточно однозначна — каждый член семьи военнослужащего имеет право знать где находится его родственник, какова его судьба, в чем заключаются трудности розыска и его перспектива.

Это также в полной мере относится к модификации и расширению применения оборудования для молекулярно-генетических исследований, совершенствованию методики ДНК экспертизы, что поможет быстрее проводить соответствующие экспертизы и информировать членов семей разыскиваемых военнослужащих.

Важнейшее направление совершенствования розыскной деятельности — это применение специальных беспилотных средств. Тенденция последних месяцев показывает нарастающий итог в их применении и не только для координации работы артиллерии, но и для поиска тел пропавших военнослужа-

щих, а также координации действий эвакуационных групп. При этом следует осознавать, что существующий вектор дискуссии о пользе в этой работе искусственного интеллекта, является несколько преувеличенным. Возможно и наступит такой момент, когда развитие цифровых средств будет способствовать более быстрому реагированию на складывающиеся в наблюдаемом с БПЛА пространстве изменения и отдельные особенности, что поможет оператору быстрее реагировать на те фактические обстоятельства, отдельные действия и существенные изменения, которые видит беспилотник. Пока же роль человека в этом вопросе оказывается решающей, что позволяет избежать той ошибки искусственного интеллекта, если, конечно, это не была продуманная провокация, о которой упоминают большинство мировых СМИ обсуждая причины гибели школьников в Иране.

Список использованной литературы

1. Нестеренко С.Е. Феномен самовольного оставления части: психологические аспекты и факторы риска : монография / С.Е. Нестеренко, Т.В. Хмельницкая. — Санкт-Петербург : ГНИИ «Нацразвитие», 2026. — 82 с.
2. Комаров И.В. Организация розыскных мероприятий в зоне боевых действий: анализ правоприменительной практики / И.В. Комаров, Д.Г. Степанов // Право в Вооружённых Силах. — 2023. — № 11. — С. 45–53.
3. Ермаков С.В. Правовые аспекты статуса военнослужащих, пропавших без вести в ходе специальной военной операции / С.В. Ермаков // Военно-юридический журнал. — 2023. — № 8. — С. 12–18.
4. Сидоров В.А. Межведомственное взаимодействие при розыске военнослужащих: проблемы и пути решения / В.А. Сидоров // Вестник Военного университета. — 2023. — № 4. — С. 112–119.
5. Карпова Е.А. Психологическое сопровождение семей военнослужащих, пропавших без вести: опыт и проблемы / Е.А. Карпова // Психология и право. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 89–101.
6. Петров К.М. Применение беспилотных авиационных систем в поисково-спасательных операциях / К.М. Петров // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2024. — № 2. — С. 78–85.
7. Головин А.С. Взаимодействие военных и гражданских структур при проведении поисково-спасательных операций / А.С. Головин, Н.И. Морозов // Военная мысль. — 2024. — № 5. — С. 67–75.
8. Лукманов А. Военные следователи рассказали об алгоритме поиска пропавших без вести на СВО / А. Лукманов // РИА Европейско-Азиатские новости. — URL: <https://eanews>.

ru/rossiya/20251201151131/voennye-sledovатели-rasskazali-ob-algoritme-poiska-propavshih-bez-vesti-na-svo.

9. Васильев П.Н. Судебно-медицинская идентификация погибших в условиях вооружённых конфликтов: современные подходы / П.Н. Васильев // Судебная медицина. — 2023. — Т. 9, № 2. — С. 34–42.

10. Журавлев С.Ю. О понятии «криминалистическая культура правоприменения» / С.Ю. Журавлев // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт : сб. науч. тр. — Тула, 2020. — Ч. 2. — С. 147–153.

References

1. Nesterenko S.E., Khmelnitskaya T.V. *Phenomenon of Absence without Official Leave: Psychological Aspects and Risk Factors*. Saint Petersburg, GNIИ “Natsrazvitie” Publ., 2026. 82 p.

2. Komarov I.V., Stepanov D.G. Organization of Search Activities in the Military Zone: Analysis of Law Enforcement Practice. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*, 2023, no. 11, pp. 45–53. (In Russian).

3. Ermakov S.V. Legal Aspects of the Status of Military Personnel Gone Missing during a Special Military Operation. *Voенно-yuridicheskii zhurnal = Military Juridical Journal*, 2023, no. 8, pp. 12–18. (In Russian).

4. Sidorov V.A. Inter-departmental Cooperation in Search for Missing Military Personnel: Problems and Ways of Solving them. *Vestnik Voennogo universiteta = Bulletin of the Military University*, 23, no. 4, pp. 112–119. (In Russian).

5. Karpova E.A. Psychological Counselling for Families of Missing Military Personnel: Experience and Problems. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024, vol. 14, no. 3, pp. 89–101. (In Russian).

6. Petrov K.M. The Use of Unmanned Aerial Systems in Search and Rescue Operations. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*, 2024, no. 2, pp. 78–85. (In Russian).

7. Golovin A.S., Morozov N.I. Interaction between Military and Civil Structures in Rescue Operations. *Voennaya mysl = Military Thought*, 2024, no. 5, pp. 67–75. (In Russian).

8. Lukmanov A. Military Investigators Talked about the Algorithm of Searching for Missing Persons During a Special Military Operation. *RIA Evropeisko-Aziatskie novosti*. Available at: <https://eанews.ru/rossiya/20251201151131/voennye-sledovатели-rasskazali-ob-algoritme-poiska-propavshih-bez-vesti-na-svo>.

9. Vasil'ev P.N. Forensic Identification of Persons who Died in Military Conflicts: Modern Approaches. *Sudebnaya meditsina = Russian Journal of Forensic Medicine*, 2023, vol. 9, no. 2, pp. 34–42. (In Russian).

10. Zhuravlev S.Yu. On the Concept of “Forensic Culture of Law Enforcement”. In *Crime Detection and Investigation: Science, Practice, Experience. Collected Papers*. Tula, 2020, vol. 2, pp. 147–153. (In Russian).

Информация об авторах

Журавлев Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3, monah07@yandex.ru.

Нестеренко Станислав Евгеньевич — соискатель кафедры криминалистики, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., 3, i@nesterenko-7.ru.

Authors Information

Zhuravlev, Sergey Yu. — Doctor of Law, Professor, Department of Forensic Science, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation, monah07@yandex.ru.

Nesterenko, Stanislav E. — Ph.D. Degree Applicant, Department of Forensic Science, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 3 Ankudinovskoe Highway, Nizhny Novgorod, 603950, the Russian Federation, i@nesterenko-7.ru.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 20.04.26

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.05.26

Принята к публикации / Accepted 18.06.26

Дата онлайн-размещения / Available online 30.06.26